

Майкл Муркок
перевод Виктора Беньковского

завтрак на руинах breakfast in the Ruines

Глава 6 ЛОНДОНСКАЯ ПОТОГОНКА 1905: ПОСЛАНИЕ

«На первый взгляд кажется, что значение слова “потение” в приложении к работе достаточно очевидно. Однако когда “Потогонная Система” рассматривалась Комитетом Палаты Лордов, значение слова вдруг стало совершенно неоднозначным. Всем известно, что потогонщиком первоначально назывался человек, который заставлял других работать в течение многих часов. О школьнике, который денно и нощно сидит перед экзаменами за учебниками, тоже можно сказать, что он “потеет”. В лексику профсоюзных деятелей глагол “потеть” и все производные от него и перешли изначально из школьного сленга.

Но в последующие годы словосочетание “потогонная система” постепенно приобрело новое значение: неблагоприятное сочетание долгого рабочего дня и низкой оплаты. “Логово потогонщика” — это производственное помещение, часто являющееся одновременно и жилым, в котором в самых что ни на есть нездоровых условиях мужчины и женщины заняты тяжелым низкоквалифицированным трудом. Работают они от шестнадцати до восемнадцати часов в день за гроши, которых едва-едва хватает, чтобы удержать душу в теле.

Что касается Лондона, то наибольшее распространение потогонная система получила в Ист-Энде. Однако она цветет махровым цветом также и в западной части города, особенно в Сохо, где в последнее время начали даже складываться своего рода “профсоюзы потеющих”. Давайте для начала посетим Ист-Энд, ибо здесь можно увидеть людей — нет, ныне о них можно говорить как о классе — по мнению большинства, изначально приверженных к злу. Люди эти — бесправные иностранные евреи, а Ист-Энд — то место, где их нога в первый раз ступает на свободную землю Англии.

«Лондон живущий».

Джордж Р. Смит, «Кессел и Ко Лтд», 1902 год.

Карл поворачивается на бок. ТАМ болит. Карл хнычет.

— Разве я обещал, что ты получишь удовольствие? — осведомляется высокий чернокожий, вытирая руки полотенцем, а затем потягиваясь и зевая.

— Нет, — голос Карла глухой и слабый.

— Ты можешь уйти, когда пожелаешь.

— Что, это так всегда будет?

— Ты привыкнешь. В конце концов, миллионы других...

— А ты что, был с ними всеми знаком?

Чернокожий отдергивает шторы. За окном тишина и крошечная тьма.

— Ну ладно. Теперь главный вопрос, — говорит чернокожий. — Истина в том, Карл, что все эти новые ощущения тебя заинтриговали. Ты говоришь им: «Добро пожаловать!» Так к чему лицемерие?

— Я не лицемер.

Чернокожий ухмыляется и грозит пальцем.

— Не вали все на меня, человек. Свобода поведения не в этом.

— Я никогда не стремился к свободе поведения.

— Со мной ты был очень даже свободен, — чернокожий закатывает глаза в комической гримасе. Карлу уже приходилось видеть эту гримасу. Он снова начинает дрожать. Карл смотрит на свои собственные коричневые руки и пытается заставить свой рассудок найти объяснение происходящему.

Карлу одиннадцать лет. Маленькая грязная комнатка. Доносится множество негромких звуков.

Чернокожий стоит сбоку от окна.

— Иди сюда, Карл, — говорит он.

Машинально Карл вылезает из постели и идет по полу. Карлу вспомнилась мать и жестянка с краской, которой мать запустила в него. Мать промахнулась и перепачкала обои. «Ты меня не любишь?», — сказал ей тогда Карл. «А с какой стати мне тебя любить?» — последовал ответ. Карлу было лет четырнадцать. Он помнит, что, задав свой вопрос тогда, он тотчас же испытал стыд.

Карлу одиннадцать лет. Отовсюду доносятся тихие повторяющиеся звуки. Звуков много.

Карл шаг за шагом приближается к чернокожему.

— Достаточно, Карл, — говорит тот.

Карл останавливается.

Чернокожий подходит к нему. Он напевает себе под нос «Старики домой верну-лись». Карл опускается на колени на ковер и начинает подпевать. Он поет с нарочито преувеличенным негритянским акцентом.

Карлу одиннадцать лет. Его матери тридцать. Отцу тридцать пять. Они живут в Лондоне. В Лондон они переехали из Польши три года тому назад. Из Польши они бежали, спасаясь от погрома. По дороге их ограбили крестьяне-соотечественники, отняв у них почти все деньги. Когда они ступили на землю Лондона — это было в районе доков — им повстречался еврей, который сказал, что он родом из того же округа, что и отец Карла, и поэтому должен им помогать. Он сдал им квартиру. Квартира была очень плохая и страшно дорогая. Когда у них кончились деньги, тот еврей ссудил отцу Карла несколько шиллингов под залог их имущества. Когда отец Карла не смог отдать ему долг, хозяин квартиры забрал их имущество и высвирнул их на улицу. После этого отцу Карла повезло найти работу. Теперь они все работают — и Карл, и мать, и отец. Они работают на портного. В Польше отец Карла был наборщиком. Он был образованным человеком. Но в Лондоне для польских наборщиков работы было мало. Отец Карла надеялся, что когда-нибудь, в один прекрасный день, ему удастся занять освободившуюся вакансию в польской или русской газете. Тогда они снова станут respectable, какими были в Польше.

Теперь и сам Карл, и его родители — все они выглядели старше своих более удачливых ровесников. Они сидели рядышком в углу длинного стола. Мать Карла работала на швейной машинке. Отец Карла обшивал лацкан куртки. За столом сидели и другие группы — муж и жена, три сестры, мать с дочерью, отец с сыном и двое братьев. Все они выглядели одинаково. На них была поношенная одежда, черная или коричневая. Рты женщин плотно сжаты. У мужчин по большей части были жидкие растрепанные бородки. Поляками были далеко не все. Некоторые приехали из других стран — из России, Чехии, Германии и прочих. Некоторые даже не говорили на идиш и поэтому не могли общаться с теми, кто не был их соотечественником.

Помещение, в котором они работали, освещалось единственным газовым рожком, укрепленным в центре низкого потолка. В помещении имелось маленькое окно, но заколоченное. Сырая штукатурка стен местами отвалилась, открывая кирпичную кладку. Хотя на улице стояла зима,

в комнате не горел огонь. Единственное тепло исходило от тел работников. Камин в комнате был, но служил чем-то вроде комода: туда сбрасывались обрезки материи, которые потом снова шли в дело. От сидящих людей исходил резкий запах мочи и немытого тела, но этого уже никто не замечал. Находящиеся в помещении люди почти не выходили справлять нужду, чтобы не тратить рабочее время из-за боязни не выполнить норму. Некоторые оставались здесь в течение нескольких дней подряд. Они спали, прикорнув на краешке стола. Пищей им служила миска супа, которую кто-нибудь им приносил. Поев и подремав, они снова принимались за работу.

Карл работал здесь уже неделю, когда однажды обнаружилось, что человек, который то и дело надрывно кашляет, не просыпается уже семь часов. Кто-то подошел, встал рядом со спящим на колени и приложил ухо к его груди. Затем он кивнул жене и сводной сестре спящего. Втроем они вытащили его из помещения. Ни жена, ни сестра в тот день не возвращались назад, а когда они, наконец, вернулись, Карлу показалось, что душа женщины совершенно не лежала к работе. Глаза ее были краснее, чем обычно. Однако сводная сестра выглядела как всегда. Как ни в чем не бывало, она принялась за работу. Кашлявший мужчина так и не вернулся назад. Карл понял, что мужчина умер.

Отец Карла отложил в сторону сюртук. Пришло время поесть. Отец вышел из помещения и вскоре вернулся с небольшим свертком. В другой руке у него был большой мятый жестяной чайник горячего чая. Мать Карла оставила швейную машинку и кивнула Карлу. Втроем они уселись в углу недалеко от окна. Отец Карла развернул газеты и вытащил три копченые селедки. Он дал матери и Карлу по рыбе. Они ели, по очереди запивая из носика чайника. Обед длился десять минут и проходил в молчании. Затем они снова вернулись на свое рабочее место за столом, перед этим тщательно вытерев жирные пальцы газетой, ибо мистер Армфелт оштрафует их, если обнаружит жирное пятно на сшитой одежде.

Карл смотрел на тонкие покрасневшие распухшие пальцы матери и на лицо отца, изрезанное морщинами. На ум пришла отцовская фраза: другим в жизни приходится куда хуже.

Отец Карла всегда так говорит: «Помните, другим в этом мире приходится куда хуже. Читайте, что нам еще повезло». Он так всегда говорит, когда они ложатся в кровать. Они втроем спят в одной кровати. Раньше отец Карла каждую ночь молился перед сном. Теперь же, похоже, эта фраза

заменила ему молитвы.

Дверь в помещение открывается. Внутрь врывается ледящий холод. Дверь закрывается. Низенький молодой человек в черном котелке и длинном, до пят, пальто стоит у двери и дышит на озябшие пальцы. Он говорит по-русски. Сейчас глаза его искательно перебегают с одного лица на другое. Мало кто оторвался от работы, чтобы поднять голову и взглянуть на незнакомца. Один только Карл смотрит.

— Послушайте, парни, может быть, кто-нибудь хочет поработать на меня? — говорит молодой человек. — Срочно. Хорошие деньги.

Несколько голов повернулись к незнакомцу. Но Карл их опередил. Он уже поднял руку. Отца Карла это, видимо, тоже заинтересовало, но он ничего не сказал.

— Ты не пожалейшь, — сказал человек. — Пять шиллингов. Кроме того, думаю, это не займет у тебя много времени. Надо передать записку.

— Куда передать?

Так же, как и Карл, отец Карла столь же свободно говорил по-русски, как и по-польски.

— Кое-кому. В доках. Недалеко. Я бы и сам сходил, да занят. Но мне нужен кто-нибудь, кто хоть немножко волочет по-английски, а также по-русски.

— Я говорю по-английски, — сказал по-английски Карл.

— Стало быть, ты аккурат тот парень, который мне нужен. Ну, как, по рукам? — Незнакомец бросил взгляд на отца Карла. — Вы не возражаете?

— Думаю, нет. Возвращайся как можно скорее, Карл. И держи монеты покрепче.

Отец Карла снова принялся за шитье. Мать тоже снова закрутила ручку швейной машинки. Сейчас она вращала ее чуть-чуть быстрее, но это был ее предел.

— Ну, так пошли, — сказал молодой человек.

Карл встал.

— На улице льет, — сказал русский.

— Накинь одеяло, Карл, — бросил ему отец.

Карл пошел в угол и вытащил тонкое одеяло. Накинул его на плечи. Незнакомец уже поднимался вверх по ступенькам. Карл побежал за ним.

Снаружи в аллее под деревьями было почти так же темно, будто ночью. Дождь лил как из ведра. По всей ухабистой мостовой поблескивали черные лужи. Казалось, в них можно утонуть, стоит лишь упасть. Возле двери жался, поджав хвост и скуля, пес. В дальнем конце аллеи виднелись огни паба. Половина окон в домах, что сжимали аллею с обеих сторон, были зашторены. Из не занавешенных окон на улицу сочился слабый

свет. Неожиданно промозглый мрак прорезал вопль. Кто-то кричал. Но непонятно, в этой аллее или в соседней. Крик оборвался. Карл плотнее закутался в одеяло.

— Ты знаешь, где Айронгейт Стеарс? — незнакомец быстро осмотрел аллею.

— Это там, где лодки вытаскивают на берег? — спросил Карл.

— Точно. Ну, так вот, я хочу, чтобы ты отнес этот конверт человеку, который сойдет на берег с «Солчестера» через час или около того. Никому, кроме этого человека, не говори, что я дал тебе этот конверт. И не трепись. Чем меньше ты будешь упоминать имя этого человека, тем будет лучше для тебя. Человеку этому может понадобиться твоя помощь. Делай все, что он скажет.

— А когда вы мне заплатите?

— Когда сделаешь работу.

— Как я вас найду?

— Я вернусь сюда. Не беспокойся. Я не похож на ваших хозяев-кровопийц! Даю тебе слово, что я вернусь. — Незнакомец почти горделиво вскинул голову. — Эта работа может положить конец страданиям твоего народа.

Он сунул Карлу конверт. На конверте по-русски было написано одно-единственное слово, имя: КОВРИН.

— Коврин, — прочел Карл, раскатывая «р». — Это ему передать?

— Он очень высокий и худой, — сказал новый работодатель. — Вероятно, на голове у него будет русская кепка. Ну, знаешь, такая штуковина, которая на головах у многих русских, когда они впервые сходят здесь с корабля. Насколько мне известно, у него очень характерное лицо.

— Вы с ним не встречались?

— Да, это чертовски дальний родственник, седьмая вода на киселе. Приехал сюда поискать работенку, — сказал незнакомец как-то очень торопливо. — Ладно, тебе этого достаточно. Давай иди, а то опоздаешь. Никому не говори, кроме него, что ты со мной встречался, а то плакали твои денежки. Усек?

Карл кивнул. Одеяло уже успело намокнуть. Карл сунул конверт за пазуху и быстро зашагал по аллее, обходя самые большие лужи. Когда он проходил мимо паба, внутри забренчало разбитое фортепиано. Карл услышал, как хриплый надтреснутый голос начал выводить:

Полпинты пива, пива я хочу,
За пиво я любого замочу,
Полпинты пива в день мне доктор прописал,
Ведь пиво нужно, чтоб я лучше ссал.
Сказал он мне: «Запомни мой урок —
Лишь пиво лечит застарелый

трипперок».

Так не лишайте пива вы меня,

Без пива я не проживу ни дня.

И пиво выдуть я могу бочонок без труда,
А если это ложь, в чем истина тогда?

Песня исполнялась на жутком портовом наречии, поэтому Карл с трудом разбирал слова. Кроме того, все эти песни были для Карла на одно лицо — одна и та же мелодия, одни и те же причитания. Он находил, что все англичане — грубые и тупые ублюдки, особенно в том, что касается музыкального вкуса. Будь его воля, он предпочел бы выбрать для местожительства какую-нибудь другую страну. Особенно остро это чувство накачивалось на него, когда Карл начинал мечтать, не переставая орудовать иголкой, пришивая подкладки к жилетам. Ему вспоминался маленький польский городок, который уже почти забылся, солнце, поля кукурузы, снег и сосны. Карл так и не понял, почему им срочно пришлось убраться из страны.

Вода хлюпала в его дырявой обуви. Мокрые штаны липли к тощим ногам. Карл пересек еще одну аллею. Там стояли двое или трое английских подростков. Подростки развлекались тем, что толкались и пинали друг друга. Карл надеялся, что они его не заметят. Что могло быть более привлекательным для изнывающих от скуки английских подростков, нежели возможность вломить Карлу Глогауэру? А для Карла самым важным сейчас было не потерять письмо, не порвать его и не помять, что, несомненно, случится, если подростки его заметят. Пять шиллингов — это был почти двухдневный заработок. За час он может заработать столько, сколько обычно зарабатывает за 36 часов. Подростки его не заметили. Наконец Карл достиг района, где улицы были пошире, и свернул на Коммершиэл-стрит. По улице медленно двигались люди и экипажи. Все, даже огромные неуклюжие кэбы, казалось избитым и исхлестанным дождем. Весь мир словно состоял из черных и грязно-белых тонов, изредка оживляемых желтыми пятнами газовых фонарей, освещавших витрины дешевых кондитерских, лавок старьевщиков, пивных и ломбардов. Плутующие по улицам массивные ломовые лошади, запряженные в грузовые подводы, едва-едва не врезались мордами в зеленые изогнутые кузова конок и омнибусов. Возницы на чем свет стоит крыли свою скотину, конкурентов и самих себя. Скорчившиеся под зонтами, завернутые до кончика носа в прорезиненную ткань, парусину или габардин мужчины и женщины шли куда-то к лишь им ведомым целям, наталкиваясь друг на друга или успевая вовремя отсту-

пить в сторону. Через весь этот ад, то и дело увертываясь, спешил Карл с письмом за пазухой. Он пересек Олдгейт и побежал дальше по длинной и страшной Лимэн-стрит, мимо пабов, мимо немногочисленных отвратительных лавок, мимо облупленных домов, мимо бесконечных кирпичных стен, единственное назначение которых, казалось, было лишать улицы света. Мимо полицейского участка с синей лампой, мерцающей над дверью. Мимо другой длинной оштукатуренной стены, сплошь залепленной рекламными объявлениями, расхваливающими мясные кубики, супы, мотоциклы, успокоительные пилюли, пиво, лавки менял, политические партии, газеты, мюзик-холлы... Другие объявления зазывали на работу («ирландцев и чужестранцев просим не обращаться»), предлагали мебель по льготным расценкам, истошно уговаривали вступить в армию. По объявлениям хлестал дождь. Некоторые объявления отклеивались, расплывались, падали на землю. На другие объявления водица с неба действовала благотворно: они блестели, будто новенькие.

Карл бежал. Он пересек Кейбл-стрит, пробежал Док-стрит, затем через другой лабиринт аллей (еще более темный и жуткий, чем прежний) выбрался, наконец, к Уоппинг-лейн.

Когда Карл вышел к Темзе, ему пришлось спросить дорогу, ибо он, конечно же, соврал русскому, что знает, где находится Айронгейт Стеарс. Люди с трудом понимали его акцент и быстро теряли терпение, однако какой-то старик все-таки указал ему, куда идти. Идти надо было далеко. Карл снова ударился в рысь, натянув одеяло на голову, что сделало его похожим на какое-то сверхъестественное существо, безголовое тело, бессмысленно несущееся по холодным и мокрым улицам.

Когда он добрался до Айронгейт Стеарс, первые шлюпки уже начали высаживать на берег эмигрантов. Корабль стоял на рейде. Из-за глубокой осадки он не мог подойти к причалу. Карл сразу узнал «Солчестер» — красно-черная громада, дышащая жирным черным дымом, стелющимся по маслянистой, грязной реке. Казалось, тяжелый лондонский дождь прибывает дым к воде, не давая подняться вверх. «Солчестер» дважды в неделю совершал регулярные рейсы в Гамбург, доставляя оттуда груз — евреев и политических эмигрантов. За три года, проведенные в Уайт-чепл, Карл насмотрелся на этих людей. Все они были худыми, с голодными глазами. Вот и сейчас из шлюпок выходили женщины с наголо обритыми головами, закутанные в шали — еще более грязные и рваные, нежели одеяло на пле-

чах у Карла. Они вытаскивали из шлюпок на причал узлы, пытаясь одновременно прис-матривать за тощими ребятишками, чтобы те не потерялись в толчее. Несколько мужчин препирались с боцманом, отказываясь платить шесть пенсов — обычная плата за доставку на берег. За время путешествия их уже столько раз обманывали, что они были убеждены, что их снова попытаются надуть. Другие стояли и в скорбном ошеломлении смотрели на размытую туманом линию причалов и угрюмых строений, составляющих, как представлялось, весь этот страшный и мокрый город. Карл видел: вновь прибывшие колеблются, прежде чем ступить под темную арку, давшую название пристани*. Возле арки толклись носильщики и безработные, все кричали изо всех сил, и в попытках подзаработать буквально дрались за багаж приезжих, пугая их. Шум и гам стоял невообразимый.

Под аркой стояли двое полицейских, отказываясь принимать участие в многочисленных сваргах и стычках, поминутно возникающих то тут, то там. Приезжие подбегали к полицейским, осыпая их вопросами. Те с непонимающим видом покровительственно улыбались, качали головами и показывали на относительно хорошо одетого мужчину, который беспокойно бегал среди суетящегося народа, задавая вопросы на идиш и литовском. Главным образом хорошо одетого господина интересовало, знают ли вновь прибывшие, куда им идти. Карл узнал его. Это был мистер Сомпер, суперинтендант временного убежища для еврейской бедноты. Когда Карл с родителями три года назад ступил на благословенную землю Англии, их встретил тот же самый мистер Сомпер. В то время отец Карла был убежден, что ему предложенной помощи не нужно. Карл еще тогда отметил, что многие из прибывших придерживались того же мнения. Как тогда, так и сейчас мистер Сомпер изо всех сил сохранял доброжелательность, выслушивая множество однообразных историй, которые ему рассказывали: о грабеже на границе, об агенте паровой компании, который уверял, что здесь, в Англии, всякий без труда найдет отличную работу, о притеснениях, которым беженцы подвергались у себя на родине... Многие потрясли перед носом мистера Сомпера какими-то клочками мятой бумаги с написанными по-английски адресами — именами друзей или родственников, которые уже осели в Лондоне. Мистер Сомпер, чье смуглое чело было омрачено заботой, следил за тем, чтобы багаж приезжих был сложен на ожидающие подводы. Он был

**Trongate Stairs* — Лестница Железных Врат. Прим.перев.

само красноречие, убеждая тех, кто упорно не желал расставаться со своими узлами, намертво вцепившись в них, уверяя, что ничего не будет украдено. Мистер Сомпер был сама Любовь к Ближнему, возвращая матерям потерянных детей, а мужьям их жен. Среди высадившихся на берег там и тут попадались лица, лучащиеся такой же благожелательностью, как и лицо мистера Сомпера. Эти люди не нуждались в его помощи и вежливо отказывались. Люди эти направлялись в Америку, а в Лондоне просто пересаживались с корабля на корабль.

Карл не видел никого, кто подпадал бы под описание Коврина. Он метался взад и вперед среди немцев, румын и русских. На многих все еще была национальная одежда их навек утраченной родины. Все эти люди толкали Карла, орали друг на друга, на носильщиков, на портовых чиновников, пугливо втягивали головы в плечи при взгляде на чужие небеса и мрачную темную массу возвышающейся арки.

Причалила еще одна лодка. Из нее на причал поднялся высокий человек. В руке он нес небольшой узелок. Одет он был заметно лучше, нежели другие. На мужчине было длинное, застегнутое до шеи пальто, характерная русская кепка с торчащим козырьком. На ногах — добротные высокие сапоги. Карл тотчас же понял, что это Коврин. Дождавшись, пока тот проберется сквозь толпу, образовавшуюся у выхода, где чиновники регистрировали те немногочисленные документы, коими располагали эмигранты, Карл подбежал к нему и потянул его за рукав.

— Мистер Коврин?

Человек был, похоже, удивлен и несколько мгновений колебался, прежде чем ответить. У Коврина были бледно-голубые глаза и высокие скулы. На скулах был румянец, который странно контрастировал с его бледной кожей. Он кивнул.

— Да, Коврин это я.

— У меня для вас письмо, сэр.

Карл вытащил изрядно промокший конверт из-за пазухи. Чернила расплылись, но фамилию Коврина все еще можно было разобрать. Коврин нахмурился и настороженно огляделся, прежде чем открыть конверт и прочесть записку. Когда он начал читать, губы его слабо зашевелились. Прочтя записку, он с высоты своего роста поглядел на Карла.

— Кто тебя послал? Песоцкий?

— Низенький такой человек. Он не сказал мне своего имени.

— Ты знаешь, где он живет?

— Нет.

— А этот адрес тебе знаком? — русский взмахнул письмом.

— Какой адрес?

Коврин сдвинул брови и медленно проговорил:

— Перекресток Тринити-стрит и Фалмут-роуд. Приемная хирурга. Это в Саутворке, так?

— Это на другой стороне реки, — сказал Карл. — Туда шагать и шагать. Впрочем, вы можете взять кэб.

— Кэб — это ты хорошо придумал. Ты говоришь по-английски?

— Да, сэр.

— Сможешь объяснить кучеру, куда нам надо?

Вокруг почти уже не было эмигрантов — все разошлись. Коврин, должно быть, сообразил, что начинает являть собой подозрительное зрелище. Он схватил Карла за плечо и повел его к выходу, показав чиновнику клочок бумаги. Клочок, похоже, удовлетворил чиновника. Снаружи у выхода стоял кэб. Кэб был ветхий, а лошадь и кучер и того старше.

— Вон, — пробормотал Коврин по-русски. — Это ведь кэб, точно?

— До Саутворка дорога длинная, сэр. Мне не сказали, что... — Карл попытался освободиться от хватки русского.

Коврин прошипел что-то сквозь зубы и полез в карман своего пальто. Оттуда он вытащил полсоверена и сунул его Карлу.

— Это тебя устроит? Этого хватит, чтобы оплатить твое драгоценное время, маленький ты каналья?

Карл схватил монету, пытаясь скрыть восторг. Это было в два раза больше, чем ему предложил коротышка. И он получит и те деньги тоже, если поможет этому русскому, Коврину.

Карл закричал кэбмену:

— Эй! Этот джентльмен и я — мы желаем ехать в Саутворк! На Тринити-стрит! Давай там, пошевеливайся, раскочегаривай свою колымагу!

— А заплатить-то вы сможете? — буркнул старик, сплевывая. — А то на вид-то вы что-то не того, чтобы заплатить. А то задаром мне всех возить накладно. — Он со значением оглядел площадь вокруг себя, где никого не было. Дождь поливал склады, мостовую, кирпичные стены, возведенные без всякой видимой цели. В отдалении виднелись последние группки эмигрантов, уныло тащившиеся следом за подводами, везшими их багаж и детей.

— Половину вперед.

— Сколько это? — спросил Карл.

— Скажем, так. Три обрезка сейчас, восемнадцать на месте.

— Это слишком много.

— Не нравится — не ешь.

— Он хочет три шиллинга, — сказал

Карл русскому. — Половину теперь. У вас есть восемнадцать пенсов?

С усталым недовольным видом Коврин вытащил из кармана пригоршню мелочи. Карл взял три шестипенсовика и дал их кэбмену.

— Ну вот, теперь порядок, — сказал тот. — Давайте, залазьте, что ли.

Он теперь говорил покровительственно. По всей видимости, это следовало понимать как дружеский тон.

Колымага затрещала и застонала, когда кэбмен хлестнул кобылу. Пружины сиденья жалобно стонали. Рессоры, казалось, пели предсмертную песню. Однако все это шаткое и ветхое сооружение на диво быстро двигалось из района доков к Тауэр-бридж, то есть к ближайшему мосту на южный берег — в Саутворк.

Под мостом как раз проходил корабль. Мост был разведен. Перед ним выстроились в длинную очередь экипажи. Пока кэб стоял, Карл смотрел в окно на Уэстсайд. Небо над этой частью города казалось светлее, а дома чище. Карлу всего лишь раз довелось побывать в западной части Лондона. Он видел здание Парламента и Вестминстерское аббатство. Карлу повезло. Он увидел эти здания при солнечном свете. Они были очень высокими и просторными. Карл решил тогда, что, должно быть, это дворцы воистину великих людей.

Кэб дернулся. Они снова поехали. Кэб проехал через мост, на мгновение оказавшись в облаке дыма, оставленного трубами проходившего корабля.

Несомненно, что для русского, молча сидевшего и смотревшего с мрачным видом в окно, была незаметна разница между улицами на той и на этой стороне реки. Однако Карл повсюду видел приметы преуспеяния. Продовольственных магазинов здесь было больше, а продукты в них — более разнообразными. Они миновали рынок, где в ларьках продавались моллюски, жареная треска и картофель, всевозможные сорта мяса, а также одежда, игрушки, овощи, посуда — все, что угодно, что только можно пожелать. Теперь, когда удача, казалось, улыбнулась Карлу, когда в кармане была заветная монета, мечты его приобрели иное направление. Теперь он мечтал о тех роскошных вещах, которые можно будет купить. Возможно, в субботу, после синагоги. Конечно же, первым делом они приобретут себе новые пальто, починят обувь, купят кусок мяса, капусту...

Кэб остановился на углу Тринити-стрит и Фалмут-роуд. Кэбмен стукнул по крыше рукоятью кнута.

— Приехали!

Они открыли дверь и вышли. Карл взял у русского еще три шестипенсовика и протянул

их вверх кэбмену. Тот взял монеты, надкусил каждую по очереди, важно кивнул, прикрикнул на лошадь и поехал прочь. Вскоре он скрылся из вида на Давер-стрит, влившись в поток других экипажей. Карл посмотрел на дом, перед которым они остановились. На стене возле двери была потускневшая бронзовая дощечка. Карл прочел вслух:

— «Клиника для моряков».

Он заметил, что русский с подозрением смотрит на дощечку, явно не понимая, что там написано.

— Вы что, моряк? — спросил Карл. — Вы болеете?

— Помолчи, — сказал Коврин. — Позволи, я подожду здесь, — он сунул руки в карманы пальто. — Скажи им, что Коврин здесь.

Карл поднялся по растрескавшимся ступенькам и позвонил. Внутри громко звякнул колокольчик. Некоторое время Карл стоял и ждал, затем дверь открылась, и появился старик с длинной раздвоенной бородой и полузакрытыми глазами.

— Что тебе, мальчик? — спросил старик по-английски.

— Коврин здесь, — произнес Карл тоже по-английски. Он показал себе за спину, на долговязого русского, мокнущего на улице под дождем.

— В самом деле? — старик улыбнулся. Видно было, что он искренне рад. — Здесь, он? Коврин!

Коврин внезапно бросился к дверям, взлетел по ступенькам, оттолкнув Карла в сторону. После первых объятий он вместе со стариком прошел внутрь, быстро разговаривая по-русски. Карл пошел за ними, надеясь заработать еще полгинеи. Он мало понимал из того, о чем они говорили. Удалось разобрать лишь несколько слов («Санкт-Петербург», «тюрьма», «коммуна», «смерть») — и одно очень значимое слово, которое приходилось слышать уже много раз прежде: «Сибирь». Неужели Коврин бежал из Сибири? В Лондоне было совсем немного русских, которые бежали из Сибири. Карлу доводилось слышать, как они об этом рассказывали.

Внутри дома все свидетельствовало о том, что здесь больше не хирургическая клиника. По большому счету, дом выглядел совершенно нежилым. Мебели почти не было, но повсюду лежали стопы бумаги. В углу прихожей были нагромождены связки газет. Большинство газет были русские, другие — на английском языке. Имелись еще газеты (на немецком, решил Карл). На кипах были также ярлычки, повторяющие заголовок передовицы. «КРЕСТЬЯНСКИЙ МЯТЕЖ» было написано на одном ярлычке. «ЖЕСТОКОЕ ПОПРАНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРАВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ», — вопила

другая газета. Карл решил, что эти люди, должно быть, политические. Отец всегда говорил, чтобы Карл держался подальше от «политических», потому что, как говорил отец, у них вечно проблемы с полицией. Может быть, лучше уйти?

Но тут старик повернулся к нему и по-доброму улыбнулся.

— Ты выглядишь голодным. Поешь с нами?

Было бы глупо отказываться от дармовой пищи. Карл кивнул. Они вошли в большую комнату, обогреваемую громадной изразцовой печью. По расположению комнат Карл предположил, что помещение с печью когда-то было приемным покоем, но теперь оно тоже было завалено кипами бумаг. Карл почувствовал запах супа. Рот его наполнился слюной. И тотчас Карл отметил, что снизу, из-под ног, доносится странный звук. Что-то под полом рычало, звякало, ухало, будто какой-то чудовищный монстр, закованный в цепи, метался в подвале, пытаясь освободиться. Вся комната то и дело содрогалась. Старик повел Карла и Коврина в следующее помещение. Когда-то здесь, по всей видимости, была главная операционная. Вдоль стен еще сохранились стеклянные шкафы для хирургических инструментов. В углу стояла большая закопченная плита. Женщина, очень хорошенькая, но выглядевшая не менее изуренной, нежели мать Карла, что-то помешивала в железном котле. Когда она начала разливать густой наваристый суп по глиняным мискам, в животе у Карла заурчало. Женщина сухо улыбнулась Коврину. Она, очевидно, не была знакома с ним, но слышала о нем. Здесь его, похоже, ждали.

— А кто этот мальчик? — спросила женщина.

— Карл, — сказал Карл. И поклонился.

— Надеюсь, не Карл Маркс? — засмеялся старик, потрепав Карла по плечу.

Карл его не понял. Имя «Карл Маркс» ему ничего не говорило.

— Нет, меня зовут Карл Глогауэр, — сказал он.

Старик объяснил женщине:

— Это ковринский провожатый. Его послал Песоцкий. Сам Песоцкий не смог прийти, потому что он под колпаком. Если бы он пошел встречать Коврина, то отдал бы его тепленького в руки наших «друзей»... Ладно, Таня. Налей-ка мальчику супа. — Он взял Коврина за плечо. — Ну-с, Андрей Васильевич, расскажите нам, батенька, обо всем, что стряслось в Петербурге. Ваш бедный брат... я уже слышал об этом...

(Продолжение следует)